

БОЛЕЗНЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КОМИКСЕ: ВРАГ ИЛИ ДРУГ?

Ксения Валерьевна Яковлева

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: kseniia_iakovleva@internet.ru

ORCID: 0009-0002-5941-1050

Аннотация. Статья обращена к традиции французского автобиографического комикса о болезни и характерном для таких произведений приеме – олицетворении недуга. Изображение болезни в виде существа, отдельного от больного, впервые появилось в комиксе «Священная болезнь» Давида Б. и довольно быстро стало традицией. На данный момент внутри этой традиции зарождается новое явление: олицетворенная болезнь не всегда находится в конфликте с автором-рассказчиком, иногда с ней можно примириться или даже подружиться. Таким образом авторы стремятся продемонстрировать, что болезнь и излечение – гораздо более многогранный и неоднозначный опыт, чем может показаться со стороны. Изображение дружбы с персонифицированной болезнью – способ, с помощью которого авторы затрагивают сразу несколько проблем: и вторичные выгоды от болезни, и несовершенство здравоохранительной системы, и сложности в отношениях с окружающими, и вопросы самоидентификации, как во время болезни, так и после излечения. «Дружба» с болезнью становится метафорой одиночества и саморазрушения, и одновременно – принятия себя. Таким образом, комикс, который воздействует не только словом, но и ярким конкретным зрительным образом, одновременно и выполняет функцию самотерапии, и оказывает поддержку другим больным, которым может быть близок подобный опыт, и информирует читателей о проблемах людей, страдающих от различных заболеваний.

Ключевые слова: комиксы, автовымысел, автобиография, Франция, болезнь, автопатография, «письмо от тела»

«Болезнь-друг» – словосочетание парадоксальное, почти оксюморон. Тем не менее во французском комиксе присутствует тенденция изображать болезнь в качестве дружелюбного существа и описывать ее непростые отношения с человеком-рассказчиком. Назвать подобные комиксы автобиографическими, хотя именно в таком качестве они и известны на книжном рынке, сложно. Комиксы данной группы отличаются богатой системой образов, в которой возможны самые невероятные трансформации (например, уже упоминавшееся представление болезни в качестве отдельного существа с индивидуальными чертами и интересами), здесь демонстрируется полет фантазии, совершенно немислимый для автобиографии. Изображение личного опыта с использованием фикциональной формы и языка характерно именно для автовымысла [Алташина: 14]. Изобретатель данного неологизма Серж Дубровски (1928–2017) так определял жанр: «Вымысел об абсолютно реальных событиях и фактах; если хотите автовымысел: доверить язык приключения приключению языка, вне мудрости и вне синтаксиса романа, традиционно или нового» [Дубровски: 10]. Для Дубровски автовымысел напрямую связан с психоанализом, с желанием понять самого себя. Комикс же, сочетая вербальное и визуальное, создает свой особый «язык»

для изображения внутреннего состояния больного.

Автовымысел является одной из наиболее популярных тенденций в современной французской литературе. Этому феномену посвящено значительное число исследований. Однако своеобразие автовымысла в жанре комикса еще не привлекло особого внимания ученых, несмотря на то что современный литературный процесс представляет все больше яркого и значимого материала для научного осмысления. Среди интересных произведений данного ряда – комиксы, авторы которых стремятся при помощи текста и изображения осознать и пережить свой недуг.

Чтобы понять истоки данной тенденции, необходимо вернуться ко временам, когда комикс-автовымысел еще только зарождался во Франции. Один из самых первых и знаменитых комиксов такого плана, «Священная болезнь» Давида Б., изданный в конце 1990-х гг. (“L’Ascension du Haut Mal”), рассказывает об эпилепсии брата автора и о том, как семья переживала этот опыт. Рассказчик изображает болезнь брата в виде дракона, который душит и мучает брата, а иногда от его лица мучает и близких. Он то терпит поражение, то, зловеще ухмыляясь, усаживается со всеми за обеденный стол, будто полноправный член семьи. Финал истории трагический: побочные действия лекарств и частые приступы,

заканчивающиеся физическими травмами, в конце концов калечат брата и превращают его в тень бывшего себя, инвалида, неспособного жить самостоятельно, в котором рассказчик больше не узнает близкого человека. Дракон поглотил его и слился с ним в единое целое: теперь его глаза стали другими, нос поменял форму, а кожа покрылась таким же узором, какой был на коже дракона.

Рис. 1. «Можно ли так жить? Но болезнь нас не спрашивала и преспокойно обосновалась у нас дома» [В.: 27]. (Подпись к рисунку в пер. О. Кустовой. – К. Я.)

Рис. 2. Изменившееся лицо брата [В.: 30]

Комикс Давида Б. приобрел очень большую известность как во Франции, так и за рубежом, благодаря чему на данный момент во франко-бельгийском комиксе успела сложиться богатая традиция автовывымысла вообще и «комикса о болезни» в частности. Многие авторы позаимствовали из «Священной болезни» целый ряд

художественных приемов. Так, очень популярно стало изображать болезнь в виде некоего существа или предмета, с которым взаимодействует больной. Иногда существо-болезнь появляется лишь изредка, как, например, в комиксе Фредерика Питерса «Голубые таблетки» (“Pilules Bleues”), где ВИЧ изображен в виде огромного белого носорога, постоянное присутствие которого в комнате герои стараются не замечать (по аналогии с выражениями «слон в комнате» и «не думай о белой обезьяне»). Однако в других случаях олицетворение болезни и взаимодействие с ней может играть в произведении значительную роль. В частности, такой прием можно найти у Элоди Дюран в комиксе «Скобки» (“La Parenthese”, 2010), где эпилепсия изображена в виде уродливого существа, напоминающего младенца с огромной головой. Оно то пытается проглотить рассказчицу, то пугает ее, а в конце позволяет утихомирить себя, будто капризного ребенка, и берет рассказчицу за руку – эта сцена символизирует принятие девушкой ограничений, обусловленных недугом, и попытку жить с ними по-новому. «Скобки» Элоди Дюран, пожалуй, первый пример комикса, в котором олицетворенная болезнь, играющая важную роль в сюжете, после длительного конфликта с рассказчицей, если и не становится ей другом, то, по крайней мере, перестает быть врагом.

Рис. 3. «У меня больше не было головы.» / «Моя голова была тюрьмой.» / Я и не думала, что мне понадобится столько лет, чтобы с ней помириться...» [Durand: 189]. (Подпись к рисунку. – К. Я.)

На данный момент комиксы о болезни активно изучаются за рубежом, где к ним применяется термин «автопатография» (“autopathographie”) [Herbreteau: 21]. Особенно ими интересуются медики, главным образом по практическим причинам, прежде всего чтобы понять, что именно беспокоит больных.

Однако автопатографии встречаются не только в виде комиксов. Воплощенные в раз-

личных прозаических жанрах англоязычные автопатографии изучаются по преимуществу сквозь призму феномена «письмо от тела». «Письмо от тела» (“Writing from the Body”) – одновременно и принцип, и прием, основанный на «деинтеллектуализации» словесного творчества и активном использовании телесно-сенсорного потенциала как на этапе формулирования идеи текста, так и на этапе его словесного оформления.

Связь «письма от тела» и темы болезни далеко не нова. Еще в 1926 г. Вирджиния Вулф в эссе «Когда вы больны» (“On being ill”) отмечала, что литература изо всех сил стремится доказать, что ее интересует только разум, что тело – «это лишь прозрачное стекло, сквозь которое проглядывает душа <...> оно не заслуживает никакого внимания и по сути не существует» [Woolf: 5]. В. Вулф выступает за создание особого языка, пригодного для описания «ежедневной драмы тела», – языка более примитивного, более чувственного, чем привычный. Языка, которым могла бы говорить ставшая рассказчиком часть тела, как в «Монологгах вагины» Ив Энслер (“The Vagina Monologues”, 1996) или «Счастливой руке» Гийома Лорана (“Happy Hand”, 2006). Или, например, раковая опухоль по имени Жан-Пьер – персонаж комикса Алис Баге «Я и мой рак» (“L’Année du Crabe: Globules et raviolis”, 2015).

Возможно, именно комикс, который с помощью сочетания визуальных и вербальных

средств позволяет наиболее полно отразить телесный опыт, становится в современном мире тем самым «новым языком», наиболее подходящим для «письма от тела». В своей книге «Понимание комикса» (“Understanding Comics: The Invisible Art”, 1993) С. Макклауд объясняет, как схематичность изображения повышает вовлеченность аудитории и позволяет читателю глубже переживать происходящее в истории, а также изображенные эмоции и ощущения [McCloud: 30], в том числе чувство боли. Кроме того, там же Макклауд указывает, что выбор схематичного стиля открывает автору простор для разного рода деформаций и допущений, которые делают комикс более выразительным [McCloud: 36]. Именно схематичность позволяет комиксу так воплощать самые фантастические ситуации (например, сцену в которой рассказчица играет в приставку с собственной раковой опухолью), чтобы они не казались чудовищными или гротескными, а логично вписывались в созданный автором мир.

Рассмотрим комиксы, в которых тема дружбы с болезнью раскрыта наиболее показательно и интересно. Пока, насколько мне известно, во Франции всего два автора – Алис Баге и Нави – не просто представили свою болезнь в виде некоего существа, но и рассказали о своей непростой дружбе с ним. В двух комиксах «Я и мой рак» (“L’Année du Crabe: Globules et raviolis”, 2015) и «После года

рака: в ожидании рецидива» (“Après l’année du crabe: En attendant la récurrence”, 2017) художница Алис Баге рассказывает о болезни. Девушка называет свою лимфому Жан-Пьером: они вместе прогуливают пары, играют в приставку, едят ravioli и читают «Гарри Поттера».

Рис. 4. «Что ты хочешь сегодня на ужин? Равиолиии!» [Baguet 2015: 30]. (Подпись к рисунку. – К. Я.)

Нави, которая рассказывает свою историю «Две меня» (“Moi en Double”, 2015) с помощью художницы Одри Лэйне, делится опытом морбидного ожирения. Врач однажды говорит рассказчице: «Вы весите, как две нормальные женщины вашего возраста. Вы все время носите на плечах своего двойни-

ка» [Navie, Lainé: 34]. Нави тут же представляет, как ее крепко обнимает невидимая для остальных женщина, и такая мысль приносит ей утешение. Она признается, что «с тех пор больше не была одна в этом аду», подразумевая под «адам», не саму жизнь с морбидным ожирением, которое оказывает негативное влияние на организм, а сложности в отношениях с окружающими, стремление постоянно «компенсировать» свой физический недостаток напускной жизнерадостностью и готовностью угождать, чтобы не остаться одной.

Рис. 5. «Я больше не была одна в этом аду» [Navie, Lainé: 34]. (Подпись к рисунку. – К. Я.)

В обоих произведениях авторы поднимают вопрос о том, как опыт болезни влияет на самоидентификацию человека. А именно: как отделить болезнь от собственного тела и лич-

ности? Видят ли вообще разницу между тобой и твоей болезнью окружающие (родные и врачи)? Поддерживают ли они твою борьбу или борются с тобой самим?

Казалось бы, вопросы странные, и отношения с болезнью у авторов странные тоже. Однако, если рассматривать их с не с точки зрения рассудка, а с точки зрения ощущений, они отнюдь не лишены смысла. Разум, возможно, и призывает бороться с болезнью. Однако тело с ней в союзе, поскольку лечение может быть гораздо более мучительным, чем просто медленное умирание. Например, Алис Баге так пишет о химиотерапии: «Только с началом лечения я почувствовала себя по-настоящему больной» [Baguet 2015: 25]. А Нави в какой-то момент задается вопросом: «Я должна ее [двойника] убить. Но как убить саму себя и при этом остаться в живых?» [Navie, Lainé: 9]. Таким образом, если у больного создается ощущение, что он и его болезнь для окружающих одно и то же – некая «аномалия», подлежащая уничтожению, то люди, «подталкивающие» к лечению, и врачи, проводящие болезненные манипуляции, начинают казаться врагами и мучителями, а болезнь становится единственным союзником.

Это подтверждается очень похожим опытом рассказчиц после излечения. Обе говорят о чувстве потери. Нави пишет: «Когда я проснулась в больнице, я почувствовала себя так, будто потеряла кого-то близкого.

Я чувствую себя одинокой <...> Мне не с кем об этом поговорить, все так мною гордятся. Гордятся тем, что я ее убила» [Navie, Lainé: 105]. Алис Баге так вспоминает о Жан-Пьере: «Все будто сговорились: “Туда ему, дескать, и дорога. Жан-Пьер был той еще дрянью”» [Baguet 2017: 30].

Так почему же обеих рассказчиц мучает чувство потери? Что давала болезнь-друг, по которой они теперь так отчаянно скучают? Первый из возможных ответов на вопрос лежит на поверхности. Описывая такую дружбу, авторы поднимают неприятную, часто замалчиваемую тему: вторичную выгоду от болезни. Например, Алис Баге пишет, что теперь у нее на все случаи «существовала супертговорка» [Baguet 2015: 52], а также появилась возможность не контактировать с теми близкими и знакомыми, которые ее слишком утомляли, при этом не рискуя показаться грубой или оборвать отношения навсегда. А еще – меньше времени уделять учебе и обязанностям и больше – досугу. К тому же химиотерапия, помимо множества неприятных побочных эффектов, притупляет чувство голода, не давая набирать вес. Необходимость в эпиляции тела отпала, а выпадение волос стало отличным поводом осуществить давнюю мечту и побриться налысо. Все это, по признанию Алис, очень ее радовало. Для Нави вторичные выгоды от ее положения тоже существовали, хотя и были совсем другими. Она – мать семейства и очень много

работает, в том числе и по ночам, стараясь быть у начальства и коллег на хорошем счету. Стремление Нави всем угождать изматывает ее, ей кажется, что никто о ней не заботится. Нави воплощает в «двойнике» фигуру матери, которая всегда поддержит, например, предложит перекусить после тяжелого дня. Правда состоит в том, что для других способов расслабиться и снять стресс, кроме тех, которые только усиливают ее проблемы со здоровьем, у нее нет ни сил, ни времени: все занято либо работой, либо семьей.

Часть неприятных переживаний обеих рассказчиц после излечения как раз связаны с потерей вторичных выгод. Точнее, сначала вторичных выгод становится как будто больше. Излечение ненадолго привлекает к ним всеобщее внимание, окружающие поздравляют их с победой, а жизнь становится похожа на бесконечную вечеринку. Похорошевшая Нави наслаждается комплиментами, а Алис Баге без особого труда получает от жалостливых преподавателей завышенные оценки.

А потом все резко обрывается. На контрасте с тем вниманием, которым Алис была окружена во время болезни, ей кажется, что друзья и близкие «словно по щелчку выключателя» [Baguet 2017: 30] стали к ней равнодушны. Она чувствует себя одинокой и заброшенной – вдобавок потерявшей Жан-Пьера. В учебе она тоже не блещет, а плохим состоянием здоровья «прикрыться» больше

не выходит, и в итоге ее оставляют на второй год. К тому же во время болезни она была очень худой, а тут набирает вес. А у Нави дело оборачивается куда хуже: ее ждет развод, причем муж обвиняет ее в том, что она после похудения «строит из себя королеву драмы» [Navie, Lainé: 116], постоянно вспоминая, как тяжело ей далась борьба с лишним весом и последующая операция по удалению излишков кожи с живота, «требует к себе много внимания» [Navie, Lainé: 116] и слишком уж рада появившимся ухаживаниям других мужчин.

Если рассматривать отношения рассказчиц с болезнью только под этим углом зрения, то их смысл чрезвычайно упрощается. Болезнь становится другом, потому что с ее появлением человек получает возможность потворствовать своим слабостям, сопротивляться неприятному лечению и манипулировать другими. Соответственно, тоска по болезни обусловлена тем, что все возможности использовать окружающих после выздоровления исчезают. Портрет рассказчиц получается неприятный, напоминающий изображение грешника с дьяволом (болезнью) на левом плече, который провоцирует совершать дурные поступки.

Однако у дружбы с болезнью есть и другой смысл. Н. Эбре́то описывает переход человека в статус больного как «столкновение с враждебностью мира» [Hebretteau: 101], подчеркивая, что, с точ-

ки зрения многих пациентов, постановка диагноза и начало лечения приводят к более неприятным последствиям, чем сама жизнь с болезнью. Важными темами автопатографий становятся социальная изоляция, которой подвергается больной, сложности в отношениях с окружающими, беспомощность перед внешними обстоятельствами и указаниями врачей, разрушение прежних планов. Парадоксальным образом болезнь оказывается единственным фактором стабильности в постоянно и резко меняющейся жизни больного. Ведь с ней он как-то жил еще до постановки диагноза и от нее по крайней мере знает, чего ожидать. Болезнь зачастую остается единственной точкой отсчета, постоянно занимает много времени, заполняет мысли, определяет повседневный распорядок и возможности. Отношения с болезнью – единственные (пусть и воображаемые), которые стабильно присутствуют в жизни пациента.

Нельзя не отметить также и то, что авторы автопатографий, шокируя читателей, стараются привлечь их внимание к проблемам в системе здравоохранения и в обществе, в котором человек буквально остается с болезнью один на один и ему не остается ничего другого, кроме как с ней подружиться.

Изображение дружбы с болезнью может символизировать и стремление больного к саморазрушению, особенно когда эта дружба проявляется в действиях, которые

осложняют течение болезни. С другой стороны, такая дружба может означать принятие себя больного и адаптацию к новым обстоятельствам, особенно если лечение предстоит долгое. Поскольку выздоровление – процесс длительный и неравномерный, обе эти тенденции могут присутствовать одновременно.

Кроме того, болезнь авторами автопатографий рассматривается как опыт, который оказал большое влияние на их личность. Если Нави просто упоминает об этом, то Алис Баге посвящает всю вторую книгу своим попыткам осознать, кем она является теперь, после того как излечилась от болезни. Ее комикс «После года рака: в ожидании рецидива» полностью посвящен этой теме и охватывает ни много ни мало целых десять лет жизни. Она пишет, что Жан-Пьер пришел в ее жизнь в том возрасте, когда как раз формируется личность, и успел сформировать немалую ее часть, а потом просто исчез. И чем заполнить освободившееся место, она долгое время не понимала.

Именно влиянием болезни на формирование собственной идентичности Алис Баге и объясняет чувство потери после излечения, о котором говорилось ранее: десять лет она пыталась заполнить эти пробелы, пока ей в голову не пришла мысль нарисовать комикс о своем опыте. И только отправив комикс в издательство, рассказчица почувствовала, что полностью избавилась от ниточки, тянущей ее в прошлое.

Рис. 6. «Ррывк! / Почта / Не знаю уж почему, но в тот день я шагала легкой походкой. / Пока!» [Baguet 2017: 97]. (Подпись к рисунку. – К. Я.)

Похожий опыт запечатлевает и Нави, однако ей творчество помогает понять, что ее «вторая я» не добрая и не злая, что она никуда не пропадала и ниоткуда не появлялась. «Вторая я» Нави – это часть ее самой, с которой ей предстоит продолжать жить, и лучше жить в гармонии. В таком понимании собственного «я», можно сказать, и состоит функция автовымысла.

Таким образом, на основе рассмотренного материала можно прийти к ряду выводов. Изображение болезни в виде существа, отдельного от больного, впервые появилось в комиксе «Священная болезнь» Давида Б. и довольно быстро стало традицией. Однако следует учитывать, что прецедентное произведение рассказывало об опыте жизни и отношений автора со страдающим от эпилепсии братом, и отношения между больным и болезнью не были в нем главной темой. В дальнейшем появилось много произведений, авторы которых рассказывали уже о собственном опыте, и хотя они заимствовали идею ее персонификации из «Священной болезни», но значительно перерабатывали ее. Авторы стремились показать, что болезнь и излечение – гораздо более многогранный и неоднозначный опыт, чем может показаться со стороны. Соответственно, образ персонифицированной болезни трансформировался, как и отношения рассказчиков с ней. Эти отношения выходят за рамки постоянного конфликта, в котором поочередно одерживает верх то одна, то другая сторона, они могут быть очень разными. Изображение дружбы с персонифицированной болезнью – способ, с помощью которого рассмотренные авторы затрагивают сразу много проблем: и вторичные выгоды от болезни, и несовершенство здравоохранительной системы, и сложности в отношениях с окружающими, и вопросы самоидентификации, как во время болезни,

так и после излечения. Дружба с болезнью становится метафорой одиночества и саморазрушения, и одновременно – принятия себя. Иногда это еще и способ показать, что в болезни можно найти стимул к познанию себя и творчеству. Таким образом, комикс, в котором показана дружба с болезнью, одновременно и выполняет функцию самотерапии, и оказывает поддержку другим больным, которым может быть близок подобный опыт, и информирует читателей о проблемах людей, страдающих от различных заболеваний.

Литература

Алташина, В.Д. Autofiction в современной французской литературе: Лего из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 12–22.

В., D. (1996–2003). *L'Ascension du haut mal*. Paris: L'Association.

Baguet, A. (2015). *L'Année du Crabe: Globules et raviolis*. Paris: Vraoum.

Baguet, A. (2017). *Après l'année du crabe: En attendant la récurrence*. Paris: Vraoum.

Dobrovsky, S. (2001). *Fils*. Paris: Gallimard.

Durand, E. (2010). *La Parenthèse*. Paris: Delcourt.

Gefen, A. (2016). “Soi-même comme un autre”: présupposés et significations du recours à la fiction biographique dans la littérature française contemporaine. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

Herbreteau, N. (2020). *Des BD pour mieux soigner: étude du partage de l'expérience vécue dans les autopathographies dessinées*. Paris: Faculté de Médecine Um.

Martinelli, H. (2017). *Représenter l'auteur dans le livre auto-illustré au début du XXe siècle*. Josef Váchal, Alfred Kubin, Bruno Schulz et Jean Bruller. Montréal: Montréal.

McCloud, S. (1993). *Understanding comics: the invisible art*. Northampton: Tundra.

Menu, J.-C. (2005). *Livret de Phamille*. Paris: L'Association.

Navie, Lainé, A. (2018). *Moi en Double*. Paris: Éditions Delcourt.

Theriault, M. (2015). *Ce corps qui n'est pas soi: nihilisme, dualisme et autofiction chez Nelly Arcan*. Quebec: Réflexions.

Woolf, V. (2012). *On being ill*. Massachusetts: Paris Press.

References

Altashina V. (2014). Autofiction v sovremennoy frantsuzskoy literature: Lego iz ego [Autofiction in modern French literature: the Lego out of Ego]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskiye Nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 3, 12–22.

B., David. (1996–2003). *L'Ascension du haut mal* [Epileptic]. Paris: L'Association.

Baguet, A. (2017). *Après l'année du crabe: En attendant la récurrence* [After the year of crab: waiting for a recurrence]. Paris: Vraoum.

Baguet, A. (2015). *L'Année du Crabe: Globules et raviolis* [The year of crab: pills and raviolis]. Paris: Vraoum.

Doubrovsky, S. (2001) *Fils* [Son]. Paris: Gallimard.

Durand, E. (2010). *La Parenthèse* [Parenthesis]. Paris: Delcourt.

Gefen, A. (2016). "Soi-même comme un autre": présupposés et significations du recours à la fiction biographique dans la littérature française contemporaine [Self as Other : presuppositions and meanings of the use of biographical fiction in contemporary French literature]. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

Herbreteau, N. (2020). *Des BD pour mieux soigner: étude du partage de l'expérience vécue dans les autopathographies dessinées* [Comics to get better: a study on sharing of lived experience in drawn autopathographies]. Paris: Faculté de Médecine Um.

Martinelli, H. (2017). *Représenter l'auteur dans le livre auto-illustré au début du XXe siècle. Josef Váchal, Alfred Kubin, Bruno Schulz et Jean Bruller* [Representing the author in the self-illustrated book at the beginning of the 20th century. Josef Vachal, Alfred Kubin, Bruno Schulz and Jean Bruller]. Montréal: Montréal.

McCloud, S. (1993). *Understanding comics: the invisible art*. Northampton: Tundra.

Menu, J.-C. (2005). *Livret de Phamille* [Phamily register]. Paris: L'Association.

Navie, Lainé, A. (2018). *Moi en Double* [Double me]. Paris: Éditions Delcourt.

Therault, M. (2015). *Ce corps qui n'est pas soi: nihilisme, dualisme et autofiction chez Nelly Arcan* [The body which isn't self : nihilisme, dualisme and autofiction in Nelly Arcan's works]. Quebec: Réflexions.

Woolf, V. (2012). *On being ill*. Massachusetts: Paris Press.

Для цитирования: Яковлева, К.В. Болезнь во французском комиксе: враг или друг? // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 82–94. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-2-82-94.

For citation: Iakovleva K.V. (2023) Personified illness in French comics: friend or foe? *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (2), 82–94. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-2-82-94

PERSONIFIED ILLNESS IN FRENCH COMICS: FRIEND OR FOE?

Kseniia V. Iakovleva, PhD Student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: kseniia_iakovleva@internet.ru

Abstract: The article explores the tradition of the French autobiographical comics about illness, and the personification of illness, which is a characteristic trait of such works. A personified illness as an independent character first appeared in David B's "Epileptic", and this type of representation quickly became a tradition. At the moment, a new phenomenon is emerging within this tradition: a personified illness is not always in conflict with the author-narrator, sometimes the main character is able to reconcile or even 'make friends' with it. Thus, the authors seek to show that illness and recovery are complex experiences. The depiction of 'friendship' with a personified illness is a way for the authors to explore various problems: secondary gains of an illness, imperfection of the health care system, difficulties in relationships with others, and self-identification issues – both during the illness and after the recovery. 'Friendship' with illness becomes a metaphor for loneliness and self-destruction, and at the same time it symbolizes self-acceptance. Thus, comics which show 'friendship' with a personified illness, can become a form of self-therapy, a support for other patients with similar experience, and also inform readers about problems of people suffering from various health issues.

Key words: comics, auto-fiction, autobiography, France, illness, autopathology, "writing from the body"

